

*Памяти Эйзы Бриггса, Дэвида Дэйчеса, Мартина Уайта
и сассекского проекта по составлению «новой карты учености».*

*Также посвящается Марии Лусии,
которая умеет делать три дела одновременно*

THE POLYMATH
A CULTURAL HISTORY FROM
LEONARDO DA VINCI TO SUSAN SONTAG

PETER BURKE

YALE UNIVERSITY PRESS
NEW HAVEN AND LONDON

ПИТЕР БЁРК

ПОЛИМАТ

*История универсальных людей
от Леонардо да Винчи до Сьюзен Сонтаг*

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2023

УДК 159.928.22

ББК 88.26

Б48

Переводчик Татьяна Лисицына
Научный редактор Надежда Проказина
Редактор Елена Смолина

Бёрк П.

Б48 Полигат: История универсальных людей от Леонардо да Винчи до Сьюзен Сонтаг / Питер Бёрк ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2023. — 390 с. + 16 с. вкл.

ISBN 978-5-00139-780-9

Обычно под полиматами понимают универсальных людей, одаренных в разных областях. Как ни странно, эти удивительные личности, наделенные почти сверхъестественными способностями, почти не изучены как явление. Книга известного историка Питера Бёрка — удачная попытка восполнить этот пробел. Согласно его определению, полиматы — не просто эрудиты с широкими интересами, а ученые, обладающие энциклопедическими знаниями о предмете или его существенном сегменте. В чем состоит их уникальность и можно ли их классифицировать? Какие черты — врожденные или приобретенные — способствуют полиматии? Насколько важны для этих людей социокультурные и экономические условия, в которых они живут и работают? Как на них влияют технический прогресс и информационный взрыв? Выживут ли полиматы как «вид» в условиях углубляющейся специализации? Питер Бёрк ищет ответы на эти и другие вопросы, исследуя историю и «среду обитания» полиматов — от Пифагора до Джаред Даймонда, от Леонардо да Винчи до Сьюзен Сонтаг.

УДК 159.928.22

ББК 88.26

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-780-9 (рус.)

ISBN 978-0-300-25002-2 (англ.)

© Peter Burke, 2020

Originally published by Yale University Press.

© Издание на русском языке, перевод, оформление.

ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

Нет ничего лучше, чем знать все.

Платон

Превосходить самих себя должны мы —

Иль небеса напрасно нам даны?

РОБЕРТ БРАУНИНГ, АНДРЕА ДЕЛЬ САРТО

Специализация — удел насекомых.

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	9
ПРЕДИСЛОВИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ	11
ВВЕДЕНИЕ Полимат. Кто это?	15
1 Восток и Запад	27
2 Эпоха «человека Возрождения»	46
3 Эпоха «исполинов эрудиции»	71
4 Эпоха интеллектуалов-литераторов	114
5 Эпоха территориальности	166
6 Групповой портрет	217
7 Среда обитания	242
8 Эпоха междисциплинарности	267
ЭПИЛОГ Навстречу третьему кризису	298
ПРИЛОЖЕНИЕ 500 западных полиматов	307
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	338
ПРИМЕЧАНИЯ	339
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	388

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Франческо Мельци. Портрет Леонардо да Винчи (1452–1519). 1515–1517.
2. Леонардо да Винчи. Рисунок из книги Луки Пачоли «О божественной пропорции». 1509.
3. Николай Коперник (1473–1543). Чертеж из рукописи «О вращениях небесных сфер». 1543.
4. Г. Вингендорп. *Museum Wormianum*. 1655. Гравюра.
5. Никола Ору. Портрет Хуана Карамуэль-и-Лобковица (1606–1682). 1675. Гравюра.
6. Давид Бек. Портрет Кристины, королевы Швеции (1626–1689). Ок. 1650.
7. Нильс Форсберг (с оригинала Пьера-Луи Дюмениля — младшего). Диспут королевы Кристины с Рене Декартом. 1884.
8. Кристоф Бернхард Франке. Портрет Готфрида Лейбница (1646–1716). 1695.
9. Мари-Элеонор Годфруа. Портрет мадам де Сталь (1766–1817). Ок. 1818–1849.
10. Анисе Шарль Габриэль Лемонье. Чтение трагедии Вольтера «Китайский сирота» в салоне г-жи Жоффрен. 1812.
11. Фронтиспис книги Вольтера «Основы философии Ньютона». 1738.
12. Пер Крафт Старший. Портрет Эмануэля Сведенборга (1688–1772). Ок. 1766.
13. Генри Бриггс. Портрет Томаса Юнга (1773–1829). 1822.

14. Джон Гершель (1792–1871). Фото Джулии Маргарет Камерон. 1867.
15. Александр фон Гумбольдт (1769–1859). Автопортрет. 1814.
16. Томас Филлипс. Портрет Мэри Сомервилль (1780–1872). 1834.
17. Ричард Раппапорт. Портрет Герберта Саймона (1916–2001). 1987. Richard Rappaport / CC BY 3.0.
18. Михаил Нестеров. Философы (С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский). 1917.
19. Поль Отле (1868–1944) за письменным столом. Фото. 1937.
20. Сьюзен Сонтаг (1933–2004). Фотограф Жан-Режи Рустон. 1972. Jean-Regis Rouston / Getty Images.
21. Фулд Холл, Институт перспективных исследований, Принстон. Фотограф неизвестен. Начало 1950-х гг. Фото из архивного центра Шелби Уайт и Леона Леви, Институт перспективных исследований, Принстон, Нью-Йорк, США.
22. Сассекский университет. Steve Musgrave / University of Sussex.

ПРЕДИСЛОВИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

На протяжении последних двадцати лет своей работы я периодически обращался к истории знания, опубликовав общий обзор, двухтомную «Социальную историю знания» (A Social History of Knowledge, 2000–2012) и введение в предмет «Что такое история знания?» (What is the History of Knowledge? 2016). Последней по теме стала монография «Изгнанники и эмигранты в истории знания» (Exiles and Expatriates in the History of Knowledge, 2017). Как и книга об изгнанниках, данная работа выросла из общего очерка и превратилась в самостоятельное исследование. Тема привлекала меня давно. Хотя моя собственная математическая и естественно-научная неграмотность снимает вопрос о всестороннем подходе, свойственном полиматам, я долго разделял знаменитый тезис Люсьена Февра и Фернана Броделя: лучшую историю пишет тот, кто выходит за пределы этой науки, хотя бы время от времени.

Во время прохождения трехлетнего курса истории в Оксфорде я интересовался и другими дисциплинами — например, ходил на лекции Гилберта Райла по философии, Роя Харрода по экономике, Дж. Р. Р. Толкина по средневековой литературе, Майкла Аргайла по психологии и, что оказалось самым важным для моего будущего, Эдгара Винда по истории искусств. В аспирантуре я начал заниматься социологией и антропологией, посещать семинары по истории науки, а также семинар Норманна Бирнбаума и Айрис Мёрдок по концепции отчуждения.

Узнав, что новый Сассекский университет будет работать на принципах междисциплинарности, я немедленно подал туда заявление и с 1962 по 1979 год преподавал в Школе европейских исследований, сотрудничая с коллегами — историками искусства, социологами, специалистами по английской и французской литературе. Благодаря накопленному — особенно в Сассексе — опыту я почувствовал, что обязательно должен написать книгу об отдельных ученых и небольших группах, занимающихся не только деталями, но и картиной в целом, а также «переводом» понятий и практик из одной дисциплины в другие.

Мне было приятно находиться, пусть и опосредованно, в компании этих одаренных мужчин и женщин — полиматов, о которых идет речь в этой книге. С некоторыми из них мы были давними знакомыми, порой даже друзьями, а достижения других стали мне известны только в ходе исследования.

Я хотел бы поблагодарить Тарифа Халиди и Джеффри Ллойда за комментарии к главе 1; Вакаса Ахмеда за присланные мне в 2013 году опросник о полиматах и первоначальный вариант его книги; Кристофа Лундгрена, Фабиана Крамера и исследовательскую группу «Две культуры» (*Zwei Kulturen*) Берлинско-Бранденбургской академии наук за плодотворное обсуждение моих идей; а также Энн Блэр, Стивена Болди, Арндта Брендеке, Криса Кларка, Рут Финнеган, Мируса Фитцнера, Хосе Марию Гарсиа Гонсалеса, Майкла Хантера, Габриэля Йосиповичи, Нила Кенни, Кристель Лейн, Дэвида Лейна, Ханьсун Ли, Робина Милнер-Галланда, Уильяма О'Райли, Улинку Рублак, Найджела Спайви, Марека Тамма и Марианну Турмелен за информацию, советы и справочные данные.

Некоторые мои мысли о полиматах уже были представлены публике в статьях и лекциях¹. Я надеюсь, что более полная версия окажется лучше, чем предшествовавшие ей схематичные очерки. Выступление с одними и теми же идеями в разных местах и обстоятельствах часто вело к уточнениям и изменениям. Поэтому я особенно благодарен слушателям моих лекций в Белу-Оризонти, Берлине, Брайтоне, Кембридже, Копенгагене, Энгельсберге, Франк-

ПРЕДИСЛОВИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

фурте и Готе за их вопросы и комментарии. Я искренне признателен Роберту Бальдоку и Хизер Мак-Каллум из издательства Yale University Press за одобрение моей рукописи, а двум анонимным рецензентам и редактору Ричарду Мейсону — за конструктивные предложения. И, как обычно, благодарю Марию Лусию за внимательное прочтение всей рукописи и мудрые советы.

ВВЕДЕНИЕ

Полимат. Кто это?

Говорят, история сурова к полиматам. Одних не помнят вовсе, а других «втискивают в рамки узких, более понятных нам категорий»¹. Как мы не раз убедимся в дальнейшем, помнят их либо за что-то одно, либо только за малую часть их разнообразных достижений. Пришла пора восстановить справедливость. В последнее время появляется все больше исследований о таких личностях — возможно, это реакция на нашу культуру, в которой господствует специализация. Автор с благодарностью использовал подобные монографии: это книги не только о гигантах, таких как Леонардо или Лейбниц, но и о почти забытых фигурах вроде Дюмон-Дюрвиля и Уильяма Риса². Труднее найти общие, обзорные работы, хотя и их число постепенно растет, особенно в части коротких журнальных статей или радиопрограмм³.

Предпринимая попытку дать подобный обзор, автор вступает в область культурной и социальной истории знания. Любая отрасль знаний, практическая или теоретическая, заслуживает отдельной историографии. Охотники и собиратели нуждались в самых разнообразных сведениях о мире, чтобы выжить; земледельцев называл «разносторонними» географ Фридрих Ратцель, который сам был полиматом⁴. Ремесленники, акушерки, торговцы, правители, музыканты, футболисты и многие другие группы людей нуждаются в конкретных знаниях и владеют ими, причем отдельные личности — на

очень высоком уровне. В последние годы термин «полимат», раньше применявшийся только в отношении ученых, распространился на людей, чьи достижения простираются от спорта до политики.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В специальной сетевой дискуссионной группе им, например, было дано такое определение: «полимат — это человек, интересующийся и занимающийся многими предметами»⁵. Однако в этой книге мы сосредоточимся все-таки на академическом знании, которое ранее именовалось «ученостью». Речь пойдет об ученых, чьи интересы были энциклопедическими в изначальном смысле слова, то есть охватывали полный круг знаний предмета или его существенный сегмент.

По этой причине из списка были исключены два предпринимателя: Илон Маск, получивший ученые степени по экономике и физике, прежде чем основать Tesla и другие компании, и Сергей Брин, изучавший математику и программирование, а затем основавший Google вместе с другим специалистом по информатике, Ларри Пейджем. Я также сомневался, стоит ли писать о таком разностороннем человеке, как Джон Мейнард Кейнс, поскольку многие его интересы выходили за пределы академического знания. Друг Кейнса, Леонард Вулф, писал, что тот был «университетским преподавателем, чиновником, биржевым спекулянтом, бизнесменом, журналистом, писателем, фермером, арт-дилером, государственным деятелем, театральным антрепренером, библиофилом и освоил еще полдюжины прочих профессий». Сам Кейнс отмечал, что «хороший экономист должен обладать редким сочетанием талантов. Он должен достигнуть высокого уровня в нескольких областях и объединять в себе те качества, которые нечасто встречаются вместе. Ему — в той или иной степени — нужно быть математиком, историком, государственным деятелем, философом». По этому критерию, не говоря уже про интерес ко многому из того, чем занимался Исаак Ньютон, Кейнс, безусловно, отвечает нашим требованиям⁶.

В следующих главах пойдет речь о нескольких знаменитых писателях, в частности Гёте, Джордж Элиот, Олдосе Хаксли и Хорхе Луисе Борхесе, но они были выбраны главным образом потому, что писали не только художественные произведения. В список попал и Владимир Набоков, но не как автор «Лолиты», а как литературный критик, энтомолог и автор книг по шахматам, в то время как Август Стриндберг интересует нас как историк культуры, а не драматург. И напротив, Умберто Эко появится на страницах этой книги как ученый, который писал романы.

ДИСЦИПЛИНЫ

Если мы говорим о полимате как о человеке, овладевшем несколькими научными дисциплинами, то возникает вопрос: что есть дисциплина? История академических дисциплин носит двоякий характер — институциональный и интеллектуальный. Термин «дисциплины» во множественном числе является производным от слова «дисциплина» в единственном; это слово, в свою очередь, произошло от латинского глагола *discere*, «учиться», в то время как слово *disciplina* было переводом древнегреческого *askesis* — «обучение» или «упражнения». В классической Античности в представление об образовании-дисциплине в той или иной степени входили как минимум четыре сферы человеческой деятельности: атлетика, религия, война и философия. Люди учились под руководством мастера (становясь «учеником» — *discipulus* по-латыни, *disciple* в современном английском) и, усвоив знания, практиковали своеобразный аскетизм — самоконтроль в отношении тела и ума.

Со временем слово «дисциплина» стало относиться к конкретной области знаний. В Древнем Риме наука о молниях и громах называлась *disciplina etrusca*, поскольку именно этруски хорошо разбирались в этих небесных явлениях. В V веке Марциан Капелла писал о семи дисциплинах, известных также как «семь свободных искусств»: грамматике, логике, риторике, арифметике, геометрии, музыке и астрономии. Разделение знания на отдельные дисциплины

подразумевало организацию, институционализацию и, разумеется, начало долгого процесса специализации⁷. Чтобы избежать проецирования более поздних представлений на прошлое, я пишу о магии как о дисциплине, когда речь идет о XVI–XVII столетиях, а термины «биология», «антропология» и т. д. стараюсь употреблять только применительно к тем периодам, когда эти слова уже вошли в обращение.

Задачу историка осложняет и то, что критерии, позволяющие назвать ученого полиматом, менялись на протяжении последних шести столетий. По мере того как старые дисциплины распадались на более мелкие, размывалось само понятие «много», и планка, соответственно, снижалась. В современных статьях полиматом могут назвать ныне здравствующего человека, который внес оригинальный вклад в две науки, например экономику и юриспруденцию. Сколь бы странным ни казалось, что два — это много, способность одновременно преуспевать в двух направлениях интеллектуальной деятельности теперь считается большим достижением⁸.

Цели и методы

Исследование основано преимущественно на просопографии, коллективной биографии группы из пятисот человек, которые жили и работали на Западе с XV по XXI век (их имена перечислены в Приложении). Что характерно, «просопография ученых» была одним из «страстных увлечений» Пьера Бейля, видного полимата XVII столетия⁹. Несмотря на подчеркнутый интерес именно к коллективной биографии, автор нечасто прибегает к статистике. Хотя в книге будет отмечено соотношение мужчин и женщин, представителей духовенства и светских лиц в выбранной группе, на многие вопросы невозможно дать четкий количественный ответ.

Трудности возникают даже при попытке отнести того или иного полимата к католикам или протестантам. Из католичества в протестантизм перешли Себастьян Мюнстер и Филипп Мелан-

хтон. К числу протестантов, обратившихся в католическую веру, относятся Лука Голштениус, Кристина Шведская, Петер Ламбек и Нильс Стенсен, в то время как Юст Липсий долго не мог определиться, переходя из одного вероисповедания в другое. Бенито Ариас Монтано формально был католиком, но, по-видимому, принадлежал к тайной секте, «Семье Любви». Жан Боден, возможно, принял иудаизм. Джордано Бруно, похоже, создал свою собственную религию. Исаак Ньютон формально принадлежал к англиканской церкви, но не верил в Святую Троицу.

Помимо обобщений, книга содержит разбор отдельных примеров. Большое внимание в ней уделено гигантским фигурам, «исполинам эрудиции», говоря словами голландца Германа Бургаве, который жил на рубеже XVII и XVIII столетий и сам внес вклад в медицину, физиологию, химию и ботанику. В небольших очерках о полиматах второго ряда речь пойдет об их особенностях и путях в науке.

Но какими бы примечательными ни были отдельные персонажи, эта книга — не просто портретная галерея. Она претендует на большее. Каждый портрет нуждается в «рамe», будь то сравнение с другими или, что требуется чаще, помещение в общий контекст. Одна из главных задач исследования заключается в описании интеллектуальных и социальных тенденций с целью выяснить, какие формы общественной организации и особенности интеллектуального климата являются благоприятными для полиматов, а какие, наоборот, не способствуют их успехам. Необходимо установить, где и когда научная любознательность поощрялась или подавлялась. Последнее чаще происходило по религиозным причинам, примером чего служит знаменитое высказывание святого Августина, который порицал «желание рыться в тайнах природы», поскольку знание их «не принесет никакой пользы, но люди хотят узнать их только, чтобы узнать»*. Но и Августину была знакома радость познания (*rerum cognoscione laetitia*)¹⁰.

* Августин Блаженный. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеевко. — М.: РИПОЛ Классик, 2018. С. 206.

Таким образом, связующая нить истории, изложенной в книге, сплетена из противоположных, но взаимосвязанных сюжетов: специализации и синтеза. Как правило (если не всегда), будет ошибкой сводить историю к простому линейному сюжету. Многие важные тенденции сопровождались движением в обратном направлении. Развитие организованной специализации довольно долго сосуществовало с противоположным по сути, но столь же организованным стремлением к междисциплинарности. По мере того как развивалась специализация интеллектуального труда, даже полиматы становились своего рода специалистами. Их часто называют «генералистами», поскольку их специальностью было общее знание или, по крайней мере, объединение знаний из нескольких областей. Заметный вклад полиматов в историю познания состоял в том, что они видели связи между сферами, отделившимися друг от друга, и подмечали то, что специалисты, остававшиеся в рамках конкретных дисциплин, видеть не могли. С этой точки зрения они напоминают тех ученых, которые добровольно или вынужденно покинули свою родину и переехали в места с другой культурой знаний¹¹.

Большое внимание в книге уделяется выживанию полиматов в культуре растущей специализации. Можно было ожидать вымирания этого «вида» в XVIII, XIX или, наконец, XX столетии, но он продемонстрировал потрясающую живучесть. Чтобы объяснить подобную стойкость, нужно изучить «среду обитания вида», его культурную нишу, которой часто, но не всегда, являются университеты. Сами университеты то благоприятствовали полиматам, то совсем наоборот. Некоторые из таких ученых выбирали карьеру за пределами университетских стен, поскольку она давала больше свободы. Другие переходили с факультета на факультет, с кафедры на кафедру, словно протестуя против ограниченности конкретных дисциплин. Как мы увидим, лишь немногие университеты были достаточно гибкими, чтобы допускать подобные перемещения.

На персональном уровне важен вопрос о том, что двигало этими людьми. Была ли это простая, но всепоглощающая любо-

знательность, то самое августианское «только чтобы узнать», или что-то еще лежало в основе того, что политолог Гарольд Лассуэлл в своих мемуарах назвал «страстью к всезнанию»?¹² Что заставляло их переходить от одной науки к другой? Быстрая потеря интереса или невероятная степень открытости ума? Где полиматы находили время и силы для своих разносторонних занятий? На что они жили?

Типы полиматов

К различиям между типами полиматов мы будем возвращаться на этих страницах не один раз. Думается, будет полезно охарактеризовать некоторых из них как пассивных (в противоположность активным), ограниченных (в противоположность многопрофильным) и последовательных (в противоположность симультанным). Под пассивными я подразумеваю людей, которые, как кажется, знают обо всем на свете, но не создали ничего (или, во всяком случае, ничего нового). На границе между пассивными и активными стоят сторонники синтеза и систематизации знаний типа Фрэнсиса Бэкона или Огюста Конта. «Ограниченный полимат» — очевидный оксюморон, но необходим какой-то термин для обозначения тех ученых, которые занимаются несколькими связанными между собой дисциплинами в поле гуманитарных, естественных или социальных наук. На страницах этой книги мы будем называть их «кластерными».

Ученых, занимавшихся несколькими науками более или менее одновременно, можно противопоставить тем, кто переходил от одной дисциплины к другой на протяжении своей интеллектуальной жизни и кого мы условно назовем «последовательными» (по аналогии с теми, кто практикует последовательную полигамию). Один из них, Джозеф Нидем, начал свою автобиографию с вопроса: «Как случилось, что биохимик превратился в историка и синолога?»¹³ Удовольствие, связанное с написанием этой книги, в немалой степени состояло именно в отслеживании

подобных поворотов, а также в попытках разобраться, чем они были вызваны.

Еще одна возможная типология выделяет всего два типа полиматов: ученый «центробежного» типа, накапливающий знания и не задающийся при этом вопросом о взаимосвязях между ними, и ученый «центростремительного» типа, верящий в единство знания и пытающийся свести его отдельные части в большую систему. Первая группа получает удовольствие — или, наоборот, страдает — от всепоглощающей любознательности. Представители второй группы очарованы (кто-то скажет — одержимы) тем, что один из них, Генрих Альстед, назвал «красотой порядка»¹⁴.

Делению на «центробежных» и «центростремительных» вторит предложенное Исайей Берлином в знаменитой лекции о Толстом разграничение между теми, кого он (вслед за древнегреческим поэтом Архилохом) назвал «лисами», знающими «многое», и «ежами», знающими «что-то одно, но важное»¹⁵. Это разграничение не должно быть слишком резким, что признавал и сам Берлин, говоря о Толстом как о «лисе», который считал, что ему следовало быть «ежом». Большинство полиматов (если вообще не все) на этой шкале окажутся где-то между двумя крайними точками, и многих из них тянуло (и тянет) в обоих направлениях — так создается творческое напряжение между центробежными и центростремительными силами.

Возьмем Иоганна Иоахима Бехера, немецкого врача XVII столетия, ставшего математиком, алхимиком и советником императора Леопольда I по тем вопросам, которые мы сейчас называем экономической политикой. На языке своего времени Бехер был прожектером, человеком с амбициозными и часто нереалистичными замыслами, включавшими в себя превращение песка или свинца в золото. «Он публиковал работы по химии, политике, торговле, универсальному языку, дидактическому методу, медицине, моральной философии и религии». Интересы Бехера кажутся центробежными, но, как предполагают сейчас, их связывала воедино идея круговорота в природе и обществе¹⁶.

МИФОЛОГИЯ ПОЛИМАТОВ

Познания отдельных полиматов преувеличивались столь часто и до такой степени, что мы можем говорить о мифологии данного «вида». Часто их описывали как людей, обладающих неким абсолютным знанием, а не просто овладевших академическим багажом определенной культуры. Такие описания восходят к очень давним временам. Средневековый поэт Джон Гауэр именовал Одиссея «ученым мужем, познавшим всё на свете». Иезуита XVII века Афанасия Кирхера называли «последним человеком, знавшим всё»¹⁷. К более поздним претендентам на это звание относятся преподаватель Кембриджского университета Томас Юнг, американский профессор Джозеф Лейди и, из самых близких к нам по времени, итальянский физик Энрико Ферми, которого современники неоднократно характеризовали подобным образом, хотя, как говорится в недавно вышедшей биографии, «его познания в науках за пределами физики были поверхностными, а представления об истории, искусстве, музыке и многом другом — мягко выражаясь, ограниченными»¹⁸. Столь распространенное использование прилагательного «последний» подчеркивает необходимость исследования, охватывающего, подобно нашей книге, длительный период времени.

Чуть более скромен подзаголовок к сборнику эссе Умберто Эко, вполне подходящий для читателя Хичкока: «человек, который знал слишком много»¹⁹. То же самое говорили про специалиста по информатике и криптоаналитике Алана Тьюринга и натурфилософа Роберта Гука. Сходным образом по отношению ко многим полиматам употребляли фразу «последний человек эпохи Возрождения» — так характеризовали, например, философа Бенедетто Кроче и специалиста по поведенческим наукам Герберта Саймона. Биохимика-синолога Джозефа Нидема называли «ренессансным человеком XX века», а литературного критика Джорджа Стайнера — «очень сильно запоздавшим человеком Возрождения». Гука именовали «лондонским Леонардо», Павла Флоренского — «неизвестным русским да Винчи», а о Гарольде Лассуэлле говорили

как о «Леонардо бихевиоризма», который был «в своей науке настолько близок к человеку эпохи Возрождения, насколько это возможно для ученого-политолога»²⁰. Термин «женщина эпохи Возрождения» тоже широко использовался в самых разных областях, от музыковедения до сексологии²¹.

Примеры словоупотребления, приведенные на предыдущих страницах, укрепляют миф о гении-одиночке, достигшем всего самостоятельно, как в знаменитой истории из детства Блеза Паскаля, заново «открывшего» геометрию без помощи книг и наставников. Некоторые полиматы действительно были одиночками, а Леонардо даже более, чем все остальные, однако в юности он был очень популярен при миланском дворе. Джамбаттиста Вико, которого часто описывают как одинокого и замкнутого человека, вел вполне светскую жизнь в Неаполе, по крайней мере, в молодые годы. Маленькие сообщества часто стимулируют творческую активность своих участников, и некоторые идеи, которыми впоследствии прославились полиматы, возможно, родились именно во время обсуждений и споров, описанных в восьмой главе²². Как бы там ни было, если бы я не считал, что многие полиматы внесли колоссальный вклад в мир знаний, то никогда бы не написал эту книгу.

В дальнейшем мы обсудим (или хотя бы упомянем) немало достижений и открытий, но эта книга — не только история успеха. Большие знания даются дорогой ценой. В некоторых случаях для тех, кого современники называли шарлатанами (о них речь пойдет ниже), такой ценой была поверхностность. Представление о том, что полиматы — мошенники, бытует уже очень давно, по меньшей мере со времен Древней Греции, когда Пифагора объявили обманщиком. Живший в XVII веке епископ Гилберт Бёрнет, обладавший достаточно широкими интересами, чтобы судить по своему опыту, писал: «Очень часто те, кто занимаются сразу многими вещами, слабы и поверхностны во всех них»²³. В других случаях мы видим то, что можно назвать синдромом Леонардо, — распыление сил и энергии, из-за которого блестящие проекты оказываются брошенными или незаконченными.

В книге пойдет речь о Европе и обеих Америках с XV столетия и до наших дней. Она начинается с *uomo universale* эпохи Возрождения, но основное внимание в ней уделено долгосрочным последствиям того, что можно назвать двумя кризисами учености, первый из которых пришелся на середину XVII, а второй — на середину XIX века. Оба были связаны с широким распространением книг (пока еще рано говорить о долгосрочных последствиях третьего кризиса, вызванного цифровой революцией). Все три кризиса привели к тому, что можно назвать информационным взрывом — как в смысле стремительного распространения знаний, так и в смысле их фрагментации. Позже будет рассмотрена и реакция на фрагментацию.

Дабы напомнить читателю, что полиматы процветали не только на современном Западе, в следующей главе приводятся краткие сведения о некоторых многосторонних ученых — от древних греков до полиматов конца Средневековья, с вкраплениями из истории Китая и исламского мира. Эта глава потребовала от автора выхода из зоны интеллектуального комфорта, но если пишешь о полиматах, нужно быть готовым браться за то, в чем ты совсем не силен.

1

ВОСТОК И ЗАПАД

Казалось бы, в донаучную эпоху или в такой период, как Средневековье, когда существовало всего несколько научных дисциплин, не было особой необходимости в понятиях «эрудит» или «поли-мат». Любознательность была нормой для того времени, можно сказать, настройкой по умолчанию. Писать книги, рассказывающие о самых разных вещах, тоже было принято. Поскольку сам объем знаний был меньше, чем в эпоху Возрождения и последующие времена, при определенном усилии человек мог овладеть по меньшей мере основными формами знания (не говоря уже о тех познаниях, которые требовались для повседневных дел). И тем не менее в Античности (и греческой, и римской), Древнем Китае, исламском мире и странах средневековой Европы были люди, которых уже тогда чтили за их невероятно широкую образованность, а некоторых уже критиковали за недостаточную глубину познаний.

ГРЕКИ

Первая дискуссия о ценности знаний (как и многие другие ученые дискуссии) была записана в Древней Греции. Философ Гераклит (ок. 535 — ок. 475 гг. до н. э.), рассуждая о разносторонних личностях, утверждал, что «многознание (*polymathie*) уму (*noos*) не

научает» (фр. 40)¹. Философ Эмпедокл (ок. 495–435 гг. до н. э.), занимавший противоположную позицию в споре, заявлял, что «учение (*mathé*) растит мудрость» (фр. 17). Определенно значим и тот факт, что некоторые греки чтили богиню Полиматею.

В разных формах этот спор будет вновь и вновь возникать на протяжении последующих столетий, всегда одинаковый по сути, но с разными акцентами и в разных обстоятельствах. Главный конфликт в нем происходит между широтой и глубиной, между берлиновским «лисом», который «знает о многих вещах», и его «ежом», который «знает одну, но важную». Однако в разных местах и в разное время этот конфликт переплетается с другими: между любителями и специалистами, теорией и практикой, чистым и прикладным знанием, деталями и общей картиной, строгой точностью и импрессионизмом².

Возвращаясь от обобщений к отдельным личностям, испытывающим необычайно сильную тягу к разного рода знаниям, можно начать с Пифагора и софистов, хотя мы знаем о них в основном по свидетельствам критиков и учеников, а их собственные произведения дошли до нас в крайне немногочисленных отрывках.

Интересы Пифагора с Самоса (ок. 570 — ок. 495 гг. до н. э.), духовного учителя, или, говоря современным языком, гуру, основавшего своего рода секту, простирались от идеи переселения душ до атлетики и вегетарианства (хотя его последователям запрещалось есть бобы). Пифагора помнят как математика, особенно как автора знаменитой теоремы, хотя это авторство оспаривалось. Мнения о нем, как и о многих полиматах более поздних эпох, были разными. Уже упомянутые Эмпедокл и Гераклит придерживались противоположных точек зрения. Эмпедокл хвалил Пифагора как «человека с огромными познаниями», в то время как Гераклит считал его «предводителем лжецов» (или «мошенников»: *kopid ōn*).

Более разносторонними, чем Пифагор, были так называемые софисты, к которым применимо выражение «ходячие энциклопедии». Это были странствующие преподаватели самых разных предметов, составлявших полноценный учебный курс (оригиналь-

ный греческий термин для этого — *encyklios paideia*, от которого и происходит наше слово «энциклопедия»). Некоторые софисты хвастались, что могут ответить на любой вопрос, и собеседники обращались к ним, как мы сейчас обращаемся к печатным или электронным энциклопедиям.

К числу самых знаменитых софистов принадлежал Гиппий из Элиды (ок. 460 — после 399 гг. до н.э.). Считается, что он преподавал астрономию, математику, грамматику, риторику, музыку, историю, философию и мнемонику (искусство запоминания, необходимое ораторам). Сегодня его помнят благодаря платоновскому диалогу «Гиппий Меньший», в котором он выведен как самонадеянный персонаж, от чьих претензий Сократ не оставляет камня на камне. В диалоге Гиппий хвалится, что может «говорить о чем угодно по выбору собеседника из тех предметов, что он приготовил для публичного обсуждения, и ответить на любой вопрос, заданный кем угодно»³.

Вернемся к положительным примерам. Аристотель (384–322 гг. до н.э.) прославился сочинениями самой широкой тематики. В его случае широта интересов не привела к обвинениям в поверхностности. Чаще всего Аристотеля вспоминают как философа, занимавшегося вопросами логики, этики и метафизики, но он также писал о математике, риторике, поэзии, политической теории, физике, космологии, анатомии, физиологии, естественной истории и зоологии⁴.

Двух разносторонних ученых сравнивали с атлетами: Посидония Родосского (ок. 135 — ок. 51 гг. до н.э.) и Эратосфена Киренского (ок. 276–194 гг. до н.э.).

Посидоний по прозвищу Атлет писал о философии, астрономии, математике, географии и истории. Почему ему дали такое прозвище — остается загадкой. В Древней Греции атлеты были в большом почете, а выше мы уже отмечали параллель между дисциплиной, необходимой спортсмену, и дисциплиной умственного труда. Олимпийские игры включали в свою программу соревнования спортсменов, которых мы теперь называем многоборцами,

в частности пентатлон — состязания по пяти видам спорта, проходившие в один день. В то же время сравнение полимата с атлетом восходит к описанию Гиппия, которое дает Сократ в платоновском диалоге, и это не очень хороший знак.

Случай Эратосфена Киренского столь же неоднозначен. Этот ученый, заведовавший самой знаменитой библиотекой греко-римского мира — Александрийской, был прозван Пентатлом за особый интерес к пяти предметам. На самом деле все то, что он изучал, по нашим понятиям, дает в сумме не менее семи дисциплин: это грамматика, литература, философия, геометрия, география, математика и астрономия. Также его называли Бета, и это прозвище напоминает о характеристике, которую один британский историк дал своему коллеге, назвав его «капитаном запасной команды». Иными словами, прозвище Пентатл могло быть и критикой, и данью уважения⁵.

РИМЛЯНЕ

В Древнем Риме, в отличие от Греции, мы встречаем не только похвалы выдающимся интеллектуальным «многоборцам», но и советы людям, изучающим конкретные предметы, овладевать более широкими знаниями — возможно, в качестве противодействия первым росткам специализации.

Цицерон (106–43 гг. до н. э.), один из самых красноречивых ораторов римского мира, начинает свой трактат «Об ораторе» (*De oratore*, 55 г. до н. э.) со слов о необходимости широких познаний (*scientia... rerum plurimarum*) как условия достижения успеха в этом искусстве. Трактат продолжается в форме диалога между Марком Крассом и Марком Антонием, в котором Красс утверждает, что, «какова бы ни была тема», оратор будет говорить о ней лучше, нежели человек, ограничившийся только этой отраслью знаний⁶. В еще одном знаменитом трактате о риторике — «Воспитании оратора» (*Institutio oratoria*) Марка Фабия Квинтилиана (35 — после 96 гг. н. э.), известного как просто Квинтилиан, — также